

В АВГУСТЕ 1941 года пошел добровольцем на фронт 18-летний парень из поселка Павловского Виктор Старков. Окончив военно-инженерное училище, он командовал отдельным саперным взводом. Трижды ранен, дважды контужен. Имеет 12 правительственных наград, в том числе ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также 10 благодарностей Верховного Главнокомандующего. В августе 1943 года Старков стал коммунистом. Для него было закончилось 12 мая в 12 часов дня, когда в горах Чехословакии смолк последний выстрел. Из армии В. С. Старков по болезни уволился в запас в звании майора в 1964 году.

Сегодня Виктор Савельевич по просьбе редакции рассказывает о своих встречах на дорогах войны и в мирное время с нашим знатым земляком, Героем Советского Союза генерал-полковником инженерных войск А. Ф. Хреновым.

Эти встречи были мимолетными, но каждая из них осталась в памяти. Первая произошла при таких обстоятельствах.

Мы тогда стояли в обороне на Волховском фронте, под Новгородом. Боевая задача дивизии заключалась в том, чтобы сковать силы противника, постоянно держать его в напряжении, не дать ему оттянуть свои войска на другие участки, особенно под Ленинград.

Вражеские траншеи находились от нашего переднего края в 30—150—200 метрах. Мы, саперы, вели инженерную разведку, готовили проходы в проволочных заграждениях и минных полях, с каждого поля приносил по образцу немецких мин для ознакомления, учили солдат их обезвреживать. Дивизионная разведка тем временем проводила свою работу по изучению противника, затем части наших сил вели разведку боем. Потом все начиналось сначала, и так день за днем. Спокойно жить врагу не давали, свою задачу дивизия выполняла.

Ровно 30 лет назад, в начале 1943 года мне было приказано скопировать оборону противника первого эшелона, т. е. построить точную ее копию в нашем втором эшелоне. Цель: тренировать наши части для прорыва вражеских укреплений при освобождении Новгорода.

На основе свежих данных инженерной и армейской разведки, сведений, поступивших от партизан, немецкая оборона была тщательно скопирована на карте и на местности. Проверять нашу работу приехал начальник инженерных войск Волховского фронта Герой Советского Союза генерал А. Ф. Хренов с группой офицеров и генералов. Я доложил ему, как положено.

Он все проверил, потом спросил меня:

- Откуда родом?
- Из Пермской области, товарищ генерал, — говорю.
- Не из Очеры ли?
- Из Павловска, товарищ генерал.

— Смотри-ка! Совсем земляк! Ну, мы еще, надеюсь, увидимся, поговорим. — И он пожал мне руку, а командир полка приказал отправить наш саперный взвод в расположение полка отдохнуть.

Вторая встреча произошла при форсировании реки Великой в районе городов Остров и Исков. Саперному взводу, которым я командовал, была поставлена задача построить напла-

во каблук от левого сапога отлетел. Однако удар оказался чувствительным, и неделю я хромал, с палкой ходил.

Приходилось обезвреживать и немецкие плавающие мины. Их немцы пускали по течению, пытались подорвать наши мосты. Разные были эти мины — с часовым механизмом и ударные. Когда та или иная взорвется — неизвестно. Но надо к каждой подходить, положить на взрыватель толковую пашку и подорвать, пока она плывет в безопасном для моста месте.

Однажды мне приказали взорвать шоссе, мост в тылу противника. Это было в 1943 году днее Новгорода. Я с 20-ю солдатами и взрывчаткой через

тиллерей и авиацией, затем мы пошли вперед, на Риту.

Или вот такой приказ поступил саперному взводу. От нас требовалось организовать мини-заградительную группу с двумя одноконными повозками. На каждой — три бойца и командир отделения. Один управляет лошады, другой — по жेलобу скатывает мины, третий — стивит взрыватель и маскирует. Задача: при контратаке противника наша группа на ходу минирует по направлению, по которым возможно движение вражеских танков. Такой метод давал прекрасный эффект. Контратаки гитлеровцев, как правило, захлебывались.

Многое надо знать и уметь

ВСТРЕЧИ С ГЕНЕРАЛОМ А. Ф. ХРЕНОВЫМ

ной мост для переправы живой силы батальона. Это значило — мост узкий, пешеходный, только для людей. Мы, соблюдая маскировку, из подручных средств — дюймовых досок и проволоки — заранее сколотили зweenя, по ночам связывали их на воде вдоль самого берега, маскируя в кустах. И когда настал час, мы под прикрытием нашей артиллерии и авиации быстро развернули поперек реки мост длиной 300 метров с перилами. Я был назначен командантом переправы нашего полка. Стою в маскхалате на берегу, и тут подбежал генерал А. Ф. Хренов, говорит:

— Земляк, и ты здесь? Как дела?

Все в порядке, товарищ генерал, переправа батальона заканчивается.

— Спасибо тебе от лица службы.

— Служу Советскому Союзу! — Вижу, что неплохо служишь. И впредь действуй по-уралиски!

Служба сапера, как известно, не из легких. Ответственность большая. При обороне взводу приходилось за ночь ставить по 100 противотанковых и по 1000 противопехотных мин. Мне одному однажды за 22 минуты довелось установить 100 мин на нейтральной полосе. При наступлении от нашего взвода требовалось сделать 5—6 проходов в своих и немецких минных полях, и чтоб ни один наш человек не подорвался, когда пойдет в атаку. И тут саперу ошибаться никак нельзя. Однажды при проверке прохода, сделанного нами, я наступил на противопехотную мину, и в одном из формуляров не указавшую. Она оказалась случайной. Лежала в болатом иле. Видимо, отсырела, и взрыв был слабым. Толь-

ко фронта прошел к объекту. День наблюдал за ним, изучая обстановку. Ночью без единого выстрела сняли часовых, заложили тол. Мост взлетел на воздух. На третьи сутки без потерь вернулись в свое расположение. За эту операцию всех участников наградили, в том числе и меня — орденом Отечественной войны второй степени.

На реке Великой был и такой случай. Я получил приказ организовать ложную атаку. Мне выдали 250 маскхалатов. Ночью я с группой солдат в 20 метрах от противника вдоль линии фронта расположил чучела. Мы также установили управляемые противотанковые трофейные мины и два радиодинамика. На восходе солнца дали дымовую завесу, взорвали мины, включили динамики, имитируя гул моторов, крики «Ура!».

У противника поднялся переполох: как под самым их носом оказались русские? Враг открыл огонь из всех видов оружия. А нам только то и надо — выжечь все его огневые точки. Она были подавлены нашей ар-

тиллерей на войне. Головой работать надо. Ратное дело — это тоже творчество. Кто умнее и хитрее — тот и побеждает. И физическая закалка, конечно, необходима. Не раз в день провалились, бывало, по пояс в ледяную воду, где-нибудь на болоте, а чихать и кашлять на фронте некогда. Лично мне очень помогла военная подготовка в закалка в Павловской средней школе. В военное училище я пришел, имея значки «Ворошиловский стрелок», ГТО, ПВХО, ГСО. И в училище мне сказали при поступлении:

— Вот это солдат! Почти готовый.

С 28 апреля 1942 года до июня 1945-го я воевал в одной части — в 1347-м стрелковом полку 225-й стрелковой Новгородской Краснознаменной ордена Кутузова дивизии и считался одним из ветеранов и счастливицев, прошедших огонь и воду и оставшихся в живых.

За 3,5 года своей фронтовой жизни на переднем крае я был очевидцем многих героических подвигов, ставших нормой. Мно-

гому я научился у своего боевого товарища — рядового сапера Кирилла Сергеевича Худякова. По национальности удмурт, он до войны работал сельским кузнецом. По возрасту более чем вдвое старше меня: ему уже было 45 лет. Рядом с ним я воевал три с половиной года, вместе ходил в разведку, выполнял самые ответственные задания, взрывал мосты в тылу противника. Худяков стал полным кавалером ордена Славы, награжден орденом Красного Знамени, медалью «За отвагу». После войны он жил в селе Путино, Верещагинского района, умер в 1969 году. Навсегда в моей памяти останется и старший сержант, москвич Ермолаев, погибший при строительстве одной из переправ.

После войны я служил в Забайкалье, и там в 1955 году произошла моя третья встреча с генералом А. Ф. Хреновым. Он приехал из Москвы проверять мою работу по переправам, мостостроению, водолазному делу, новой технике. Не сразу он меня узнал — времени прошло более десяти лет. Он потребовал схему:

— Показывай, где что и как. Все было сделано согласно инструкции. Доложил, показал на схеме.

— Пойдем посмотрим. По дороге он что-то спросил о трудностях. И тут я решился наемкнуть:

— На Волховском легче было. — Постой, постой, — говорят Аркадий Федорович, — на Волховском вместе были? Где это?

— Под Новгородом.

— Немецкую оборону ты копировал?

— Так точно.

— Ну, землячок, если вайду в твоем хозяйстве непорядки, держись. По-солдатски буду спрашивать, хотя ты и земляк.

Несколько замечаний в мой адрес он, правда, высказал, но обошлось со мной по-отцовски, вспомнил фронтовые годы, тепло простился.

Эти мимолетные встречи не забудутся. Каждая из них аливала в меня новые силы, помогая в суровое время войны и в мирные годы.

В. СТАРКОВ,
майор запаса.

Пос. Павловский.

30 ЛЕТ НАЗАД В СТАЛИНГРАДЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ФРОНТОВИКА

На днях наша страна и прогрессивные люди во всем мире торжественно отметили 30-летие разгрома немецко-фашистских полчищ в Сталинградской битве. В моей памяти остались те суровые дни, и как участнику ожесточенных сражений за волжскую твердыню, мне хотелось бы рассказать о них молодому поколению.

С 1941-м артиллерийским полком, сформированным в Прикамье, я в мае 1942 года прибыл в Саратовскую область. Там мы

продолжали изучать военное дело, новую технику, готовили себя физически и морально к тяжелейшим боям. В последние числа августа нас направили на Сталинградский фронт, 5 сентября наша часть вступила в первый бой в районе населенных пунктов Ерзовка, Грачи и др.

В конце октября небольшую группу красноармейцев в том

смог последний выстрел величайшей битвы. Враг был разгромлен. Он потерял 330 тысяч своих отборных войск.

В тот же день, 2 февраля, мне с группой боевых друзей приказали конвоировать из города пленных гитлеровцев.

Зрелище представляли эти воюки. Мы сопровождали свыше двух тысяч пленников до места назначения. Там солдаты и офицеры были отделены друг от друга, полностью обезоружены (оружие они свалили в огромную гряду) и отправлены в тыл. А физиче-